

Заметки критика

ЗАБОТЫ ОКРУЖНОГО ТЕАТРА

что пьесы рассказывают о жизни и быте разных народов, и, наконец, в идейном звучании самих пьес, в их содержании.

Здесь театру предстоит еще

Русский драматический театр Прикарпатского военного округа прошел большой творческий путь. Он работал в Киеве, Одессе, Чите, с 1954 года он во Львове. Его спектакли видели зрители многих республик и городов страны. Ему аплодировали театралы Венгрии, Чехословакии, Австрии. Число спектаклей, данных им для своего «главного зрителя» — для воинов нашей армии, просто не поддается учету. К. С. Станиславский в день пятилетия театра телеграфировал: «Горячо поздравляю весь коллектив молодого театра, несущего искусство в ряды бойцов Красной Армии нашей великой Страны Советов. Шлю лучшие пожелания творческих успехов». Это было за пять лет до войны.

Годы войны в жизни театра, как и в жизни всего нашего народа, — особая страница. Творческий успех определялся тогда тем, насколько каждый спектакль, каждый концерт, каждый артистами театра, помогая нашей великой Стране Советов выстоять и победить. В трудных фронтовых условиях в очень сжатые сроки были поставлены спектакли о героической борьбе советского народа против поработителей: «Фронт», «Нашествие», «Партизаны в степях Украины», «Жди меня»... Об отношении зрителей к этим спектаклям, о самой обстановке, в которой они ставились, наконец, об их идейно-эстетическом значении красноречиво говорят уже сами заголовки критических статей, опубликованных тогда во фронтовой прессе: «Друзья бойцов», «Перед боем», «Под аккомпанемент зениток», «Сердца горят ненавистью»...

Одним из первых театр поставил пьесу К. Симонова «Русские люди». Накануне 20-летия Победы спектакль этот был возобновлен и в самый день праздника, 9 мая 1965 года, показан москвичам на сцене Кремлевского театра. Пришел в театр и сам автор. Артисты и драматург взволнованно вспоминали дни и ночи самозабвенной совместной работы над спектаклем...

Я смотрю этот спектакль во Львове. Со мной рядом — Наташка, дочь моего бывшего ротного командира. Спустя много лет я встретил его здесь, во Львове. Наташка очень хотелось в театр с папиным фронтовым товарищем. Ее, конечно, — и родители и администрация — на вечерний спектакль не пустили бы. Но на этот раз обе инстанции на явное беззаконие смотрят сквозь пальцы, потому что здесь фронтовой друг.

Я смотрю не только на сцену — приглядываюсь к Наташке, время от времени кидаю взгляды в зал. На всех лицах настоящий интерес. Но у меня сейчас интерес особый. Я видел эту пьесу перед уходом на фронт осенью сорок второго в Московском театре Ленинского комсомола. Двадцать четыре года назад... Война еще не перевалила через стalingradский перевал, еще не миновала орловско-курский рубеж. Сейчас понимаешь, что в те дни еще ничего, в сущности, не было решено. Это были дни наивысшего успеха врага — он вырвался к Волге. Весы истории колебались...

Я смотрю на сцену, в зал и думаю о том, что многие артисты, занятые в спектакле, как и большая часть зрителей, во время войны были еще детьми или подростками. Это, конечно, А. Кравчук, играющий самого Сафонова, И. Кравчук (Вали), К. Вайбакова (Шура)... А дочь моего командира родилась почти через десять лет после войны и знает о ней лишь из рассказов отца, из книг, кино да таких вот спектаклей.

Я смотрю и думаю о том, что ведь теперешние артисты и зрители доподлинно знают, что не зря погибнут многие герои пьесы, как не напрасны были жертвы и стра-

дания всего нашего народа, — мы победили. Но артисты и зрители сорок второго года этого не знали. у них была лишь жажда победы, лишь вера в нее. Вера и знание — вещи разные. И потому, конечно, тогдашнее восприятие пьесы и нынешнее во многом различно. Но в этом восприятии есть нечто и общее. Оно не в последнюю очередь определяется исторической достоверностью пьесы, правдивостью выведенных автором характеров, психологической убедительностью. Без этого пьеса не вызвала бы сейчас, спустя почти четверть века после появления, никакого интереса.

И тут я вспомнил прочитанную перед спектаклем статью в газете «Слава Родины». Статья была посвящена другому спектаклю, но в ней содержались и некоторые общие суждения о театре, о его репертуаре. Автор статьи В. Попов, в частности, писал, что в репертуаре театра довольно четко обозначились две основные линии: героико-патриотическая и лирико-психологическая. «Русские люди» отнесены к первой «линии». «Тенденция эта, — уверяет автор, — на наш взгляд, не только закономерна, но и плодотворна». Мне же думается, что весьма неплодотворно прежде всего само такое деление репертуара, такое противопоставление, как бы узаконивающее пьесы героико-патриотического характера, лишённые психологической достоверности и глубины. Подобные критические рассуждения могут способствовать появлению лишь плоских, прямолинейных, схематичных пьес на героико-патриотическую тему: психологизм, мол, для этой темы необязателен...

В какой-то степени близка к этому и рецензия А. Пичука о спектакле «Перебежчик». Первая половина ее состоит из пересказа пьесы, вторая — почти сплошь из шаблонных оценок игры актеров. Такая «общая» критика ничего не дает ни зрителям, ни артистам.

Вопрос о репертуаре — очень важный вопрос. Известно, к примеру, что в западных областях Украины большое значение имеет атеистическая пропаганда, в которой отнюдь не последнюю роль должен сыграть театр. Исходя из этого, львовскому театру следовало бы в своем репертуаре иметь спектакли высокого атеистического накала. Видимо, именно из этих соображений была поставлена пьеса И. Штока «Божественная комедия». Кое-кто не преминул тотчас заявить, что это и есть искомая пьеса, что «антирелигиозное звучание постановки трудно переоценить». Но так ли это? «Божественная комедия» неплохая вещь. Это веселая, озорная, остроумная, жизнерадостная пьеса — так она и поставлена театром. Но с точки зрения верующего человека, — а ведь антирелигиозная пропаганда должна быть адресована именно такому человеку, — это богохульство, и только. Такая пьеса лишь оттолкнет его. Видимо, чтобы вести серьезную атеистическую работу среди населения, театр должен иметь в своем репертуаре не такие пьесы, в которых религия лишь предмет веселых шуток, а такие действительно философски глубокие, где вопрос рассматривался бы серьезно и глубоко, где был бы показан давящий гнет религии, как это мы видим, скажем, в «Жизни Галилея» Б. Брехта или хотя бы в «Чудотворной» В. Тендрякова.

Для театра, адресуемого свое творчество прежде всего многонациональной аудитории нашей армии, работающего в местности с национальной точки зрения весьма неоднородной, важной темой является тема интернационализма. Она должна находить выражение и в том, что авторы пьес, составляющих репертуар, — драматурги разных национальностей, и в том,

многое сделать. В его репертуаре сейчас лишь две пьесы зарубежных авторов, совсем нет пьес, принадлежащих перу драматургов братских союзных республик, в том числе и украинских. Что же касается постановки темы интернационализма в самом содержании пьес, то тут можно назвать лишь две пьесы, идущие ныне на сцене театра, — «Перебежчик» А. и П. Тур и «Возмездие» чехословацкого драматурга В. Шубрта. В первой рассказывается о том, как осенью 1942 года на нашу сторону добровольно перешел и оказал нам немалую помощь принесенными сведениями лейтенант немецкой армии Вальтер Шеринг. Во второй мы узнаем, что немецкий офицер Эрих Гансен, которого все подозревали в убийстве чехословацких патриотов в 1944-году, ни в чем не виноват. Словом, с точки зрения темы интернационализма суть здесь одна: нам говорят, что и в фашистской армии были антифашисты, что и под мундиром гитлеровского офицера порой билось честное сердце. Да, так бывало. Напомнить это порой нужно и бесполезно. Но если тема интернационализма решается в театре только так, то не будет ли это слишком узко и одно-

сторонне? Хочется видеть на сцене театра большое не только тематическое, но и жанровое разнообразие и богатство. Во Львове нет ни театра сатиры, ни театра музыкальной комедии. Театр учитывает это и стремится удовлетворить требования зрителей. Сейчас в его репертуаре такие разные по жанру, по форме пьесы, как «Васса Железнова» и «Божественная комедия», «Мой бедный Марат» и «Комедия ошибок», «Еще раз про любовь» («104 страницы про любовь») и «Денис Давыдов», «Русские люди» и «Перебежчик». О них в местной печати регулярно помещаются рецензии. Это неплохо. Но, на наш взгляд, должно быть и другое: общающиеся статьи о пути театра, о его роли в коммунистическом воспитании воинов и населения, о месте того или иного спектакля в творческой биографии театра, размышления о репертуаре и т. д. Наконец, бесспорный интерес представляли бы литературные портреты ведущих артистов театра или такие рецензии, в которых во главу угла ставился бы какой-нибудь один интересный образ, одна интересная роль. Можно было бы поговорить, например, о пародном артисте УССР А. Аркадьеве в роли Глобы («Русские люди»), о заслуженной артистке УССР Л. Тарасовой в роли Наташи («Еще раз про любовь»), о Ларисе Ахмеровой, создавшей образ Евы, заслуженной артистке УССР Л. Калачевской и о других интересных артистах и интересных ролях.

Словом, можно найти еще немало эффективных форм, которые давали бы возможность критике помогать театру. Чем настоятельнее, серьезнее, вдумчивее будут писаны эти формы, тем успешнее выполнят театр благородную и ответственную задачу коммунистического воспитания своих зрителей.

В. БУШИН.